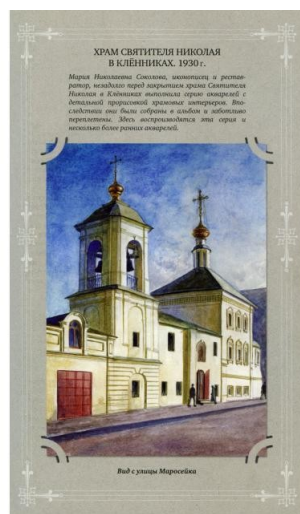

16 (29) сентября - Перенесение мощей прав. Алексия Московского (2001)

Отрывки из воспоминаний духовных чад

Приблизительно в 1905-1908 году один из посетителей Чудова монастыря спросил меня:

«Вы знакомы с отцом Алексеем Мечёвым, священником церкви Святителя Николая в Кленниках, на Маросейке?» Помню, я дал отрицательный ответ. «Обратите внимание на этого пастыря, — продолжал собеседник. — Хотя храм, где служит отец Алексей, небольшой и малозаметный, то, что в нем происходит, достойно удивления. Там Вы найдете иерея маленького роста, с благостным лицом, приковывающего к себе многих молитвенным настроением, умением давать полезные советы, не только духовные, но и житейские, а главное, поражающего лаской, отеческой любовью».

Храм Святителя Николая в Кленниках, 1930 год. М.Н. Соколова (монахиня Жулиания), акварель

Не сразу приобрел отец Алексей известность. О начале своей деятельности в Кленниках он рассказывал: *«В продолжение восьми лет каждый день я служил литургию при пустом храме. Раз один протоиерей сказал мне: «Как ни пройдешь мимо твоего храма, всё у тебя звонят. Заходил в церковь — пусто. Ничего у тебя не выйдет, понапрасну только звонишь».* Но постепенно храм стал переполняться молящимися, и о настоятеле его заговорила вся верующая Москва.

Святой праведный Иоанн Кронштадтский

Силу пастырского вдохновения отец Алексей воспринял от отца Иоанна Кронштадтского.

Переживая семейные невзгоды — смертельную болезнь супруги и материальные недостатки, он отправился к великому молитвеннику земли Русской просить у него указаний, как жить и что делать.

Отец Иоанн сказал ему: *«Ты жалуешься на свои скорби и думаешь — нет на свете горя больше твоего, так оно тяжело тебе. А ты будь с народом, войди в чужое горе, возьми его на себя, и тогда увидишь, что твое несчастье мало, незначительно в сравнении с общим, и легче тебе станет».*

Отец Алексей так и сделал: принялся за разгрузку чужого горя.

Святой Алексей принимающий к нему приходящих. Клеймо иконы

Батюшка отец Алексей был великий «перегрузчик» чужих страданий на собственные плечи. *«Я помолюсь»*, — говорил отец Алексей всем изливавшим пред ним нужду, беду, недоумение, сомнение... *«Я помолюсь»*, — было его неизменным ответом каждому, причем ответом не формальным, а сердечным, серьезным, ибо всякое новое имя являлось для него новой слезой, новым горячим воплем к Богу о прощении, помиловании и помощи. Сам батюшка совершал проскомидию иногда часа полтора и даже больше, вычитывая большие тетради имен, а заздравная ектения при его служении превращалась в целый поток молитвы.

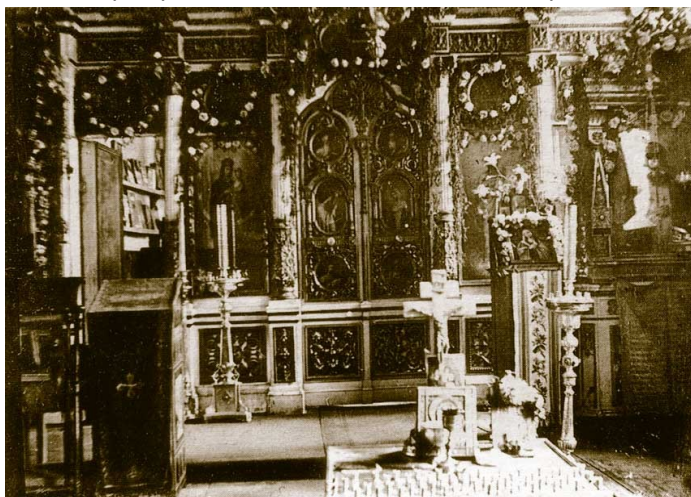

«... Войдешь к батюшке после приема им какой-либо скорбящей души и видишь: разгрузчик сидит, а лица на нем нет, в глазах слезы, голос прерывается... «Вот, — скажет отец Алексей, — была у меня такая-то...» И опишет картину жестокого женского горя. Посетительница ушла ободренная и успокоенная лаской и приветом батюшки. Ей сказано: «Бог милостив, все обойдется и устроится, буду молиться за тебя». Вместе с просфорой, иконкой или листиком ей внушена надежда на лучшее... Посетительница ушла просветленная, сияющая... Но бывший ее груз всей тяжестью перешел на батюшку, оттого-то он такой пришибленный, бледный, плачущий. Если так трудно принимать скорби простых душ, то каких усилий стоила отцу Алексею разгрузка внутреннего гнета сложных натур — какого-нибудь профессора, современного общественного деятеля, писателя, которых безысходное горе также кидало в его комнату».

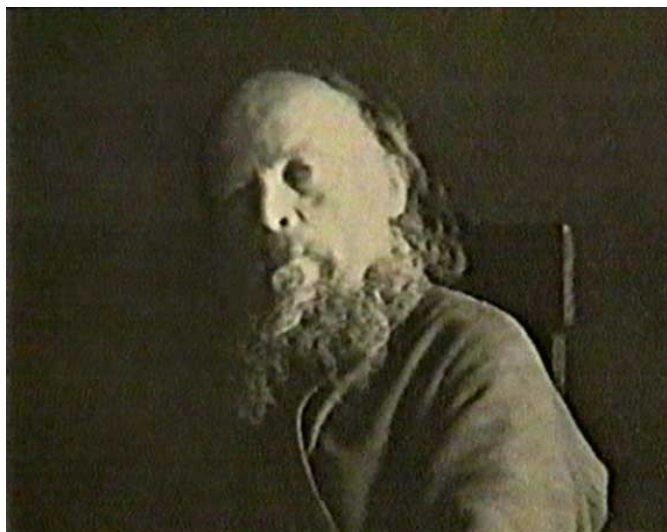

«... С раннего утра до поздней ночи толпится вокруг дома, где живет о. Алексей, народ,- на лестнице, во дворе. В приемные дни люди приходят ночевать у ворот, чтобы наверняка попасть к о. Алексею. Среди простых людей, по преимуществу женщин, все более и более появляется интеллигенции: профессора, врачи, учителя, писатели, инженеры, художники, всевозможные артисты. Среди православных - инославные: армяне, лютеране, магометане, даже евреи. Среди верующих - попадают неверующие. Одни приходят в глубокой тоске, не находя себе места, терзаясь бесчисленными преступлениями; другие - из любопытства, желая просто "посмотреть" на знаменитого деятеля; третьи приходят врагами, чтобы изобличить или задеть, с вызовом, иногда в порыве ненависти, сами не зная, что они намерены предпринять; бывали и такие, которые приходили, как потом признавались, с целью убить о. Алексея. Но со всеми устанавливаются в этой крохотной комнатке свои особые, вполне индивидуальные отношения. Любопытствующие уходили пристыженные и пораженные, враги - располагались признанием. Многие из приходивших навсегда связывали с ним свою духовную жизнь».

Священник П. Флоренский. Сергиев Посад. 1924 год.

«... Простота отца Алексея была неотделима от его горячей детской веры, обнаруживавшейся часто в слезах во время совершения Божественной литургии. Нередко он затруднялся от охватывавших его рыданий произносить возгласы, особенно «Приимите, ядите», и тогда между словами у него бывал большой промежуток. Много стоили батюшке и проповеди, которые он всегда говорил с религиозным воодушевлением. Об этом знает тот, кто видел отца Алексея вернувшегося в алтарь с амвона после сказанного им с духовным подъемом поучения: он был тогда бледен, по лицу текли тщетно сдерживаемые слезы. Хватаясь рукой за больное сердце и в изнеможении опираясь грудью о престол, с виноватым видом он чуть слышно говорил сослуживцам: *«Больше не могу я»*, — и, стараясь улыбнуться и качая головой, добавлял: *«Просто скандал»*. Через силу батюшка оканчивал службу, делая возгласы еле слышным голосом».

Прежде всего, он требовал покаяния, но не формального, а глубокого, искреннего и смиренного, со слезами, способного произвести перерождение, обновление всей внутренней природы грешника. Не любил, поэтому отец Алексей исповеди по записке, а требовал сознательного отношения к своим поступкам, твердого намерения исправиться. *«Виноватым всегда считай себя, — говорил он, — а других оправдывай»*. Покаяться значило для батюшки, по слову святого апостола Павла, отложить ветхого человека и сделаться новой тварью (Еф.4:22-24; Кол.3:9-10), а так как такому покаянию часто мешает наша слабая, дряблая воля, парализованная дурными привычками и страстями, на укрепление этой воли, по мнению отца Алексея, и должен обращать внимание всякий желающий проводить жизнь во Христе.

Сам будучи прост в словах и действиях, батюшка не любил умствований, отвлеченностей, особенно в религиозных сочинениях и разговорах; отказываясь их выслушивать, обыкновенно говорил: *«Да что ты меня спрашиваешь? Я неграмотный, не понимаю»*. Если же человек его не слышал и продолжал заумно рассуждать, то батюшка брал его за плечо, смотрел ласково-ласково и говорил: *«Ишь ты какой! Ты все умом хочешь жить, а ты живи, как я - сердцем»*.

«...Вскоре после памятных всем нам дней (октябрьский переворот 1917 года – прим.сост.) наступила новая эпоха; в такое смутное время хотелось уйти куда-нибудь далеко и жить иными, добрыми чувствами любви и мира, а не злобой и враждой, разливавшимися повсюду. Отраднo было посещать тесный, скромный, но дышащий благодатной обстановкой храм Святителя Николая на Маросейке, слушать службу и безыскусственные проповеди отца Алексея. Совершенно забывалось все грубое, материалистическое, совершавшееся за стенами храма. Дух уныния, с которым обыкновенно приходили в то время в храм молящиеся, бесследно исчезал здесь, и они уходили домой успокоенными, со светлым чувством надежды на лучшее».

Чудов монастырь в Московском Кремле. 1920-е гг.

«... Когда мы лишились Чудова монастыря (разрушен в 1930г. – прим.сост.), многие направились на Маросейку к о.Алексею. После уставного монастырского богослужения нам, «чудовским», очень трудно было привыкать к приходской службе: ничто не нравилось: и чтение, и пение — все на скорую руку. Нужно, впрочем, заметить, что и сам отец Алексей страшно тяготился указанной поспешностью, театральным пением, неблагоговейным служением своего диакона, терпел же все это, как выражался, «только нужды ради». И вот однажды он обратился к нам с предложением самим справиться с церковной службой, и постепенно наладилась на Маросейке уставная служба, хотя, на первых порах, пришлось перетерпеть немало укоров от богомольцев из-за продолжительного богослужения. Бывало, батюшка улыбнется и утешит нас: *«Не смущайтесь, потом все будут благодарить нас»*. Так и вышло. Кому из верующих москвичей не известна была тогда Маросейка своим одухотворенным богослужением и церковным порядком?»

Оптинский старец иеросхимонах Анатолий (Потапов)

Храм Николы в Кленниках называли «Оптиной на Маросейке». Старцы Оптинские с упрёком говорили приезжавшим к ним из Москвы: *«Зачем вы ездите к нам, в Оптину, когда у вас есть отец Алексей?»* Особенно благоговел отец Алексей перед отцом Анатолием. *«Мы с ним одного духа»*, — много раз говорил он. И, правда, в них был один дух любви, благодатной, всепрощающей и всеисцеляющей. Связь у отца Алексея с названным старцем была неразрывная, глубокая, и, хотя они виделись только один раз, между ними всегда поддерживалось сообщение, которое близкие к батюшке лица, шутя, называли «беспроволочным телеграфом», — святое единство старчества.

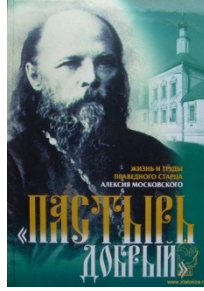
Свою кончину отец Алексей предчувствовал заранее. Он умер 9 июня 1923 года. Небольшой храм на Маросейке не мог вместить всех собравшихся. Стотысячная толпа народа стояла у храма. Чтобы дать возможность помолиться всем, служили две заупокойные всенощные. Утром литургию совершал епископ Феодор (Поздеевский, впоследствии архиепископ; расстрелян в 1937 году – прим.сост.), в сослужении 30 священников и шести диаконов, всего на отпевание вышло около 80 человек духовенства. На кладбище прибыл Патриарх Тихон, за несколько часов до этого освобожденный из заключения. Со всей Москвы собрался народ на это великое духовное торжество. С одной стороны, была большая скорбь от потери незаменимого пастыря, а с другой — охватившая всех радость по случаю неожиданного освобождения Святейшего.

Погребен был о.Алексей на Лазаревском кладбище, а через 10 лет, в связи с его закрытием, останки отца Алексия и его жены были перенесены на Немецкое кладбище. Тело отца Алексия было в ту пору нетленным. Лишь на одной из ног нарушился голеностопный сустав, и отделилась стопа. Могила о. Алексия

была, по свидетельству администрации кладбища, самой посещаемой. Регулярно приходилось добавлять земли в могильный холмик, так как прибегавшие к помощи отца Алексия уносили ее с собой...В 2001 году на праздник Всех святых в земле Российской просиявших совершилось обретение мощей святого праведного Алексия Московского. При вскрытии могилы, когда стала видна крышка гроба, в воздухе ощутилось дивное благоухание. Перенесение мощей состоялось 29 сентября 2001 года. В настоящее время мощи святого праведного Алексия Мечёва находятся в Московском храме святителя Николая в Кленниках.

Отец Алексей любил говорить просто и не любил умствований. Когда люди говорили с ним о Боге слишком мудрено, он отказывался их слушать, говоря: «Да что ты меня спрашиваешь? Я неграмотный». А если человек не понимал и продолжал заумно рассуждать, то батюшка брал его за плечо, смотрел ласково-ласково и говорил: «Ишь ты какой! Ты все умом хочешь жить, а ты живи, как я - сердцем».

При подготовке материала использованы тексты книги «Пастырь добрый». Книга очень интересная, советуем почитать.

Тропарь Святому праведному Алексию Московскому (Мечеву), гл.3

Яко чудо Божие явился еси,/ в граде Московстем, отче Алексие,/ не в пустыни бо, но посреде молвы процвел еси,/ в годину люту богоотступления,/ обаче древним упдобился еси,/ провидец сый, молитвенник и старец,/ и страждущим утешитель и врач,/ сего ради о Российской пастве,/ ходатай ныне буди непреложен, // молитвенниче о душах наших.

Тропарь Святому праведному Алексию Московскому (Мечеву). На перенесение мощей, гл.4

Наста день новаго торжества,/ град Москва радуется,/ и вся Российская страна ликовствует/ новыми пеньми духовными,/ днесь бо священное торжество/ в пренесение честных и многоцелебных мощей/ праведника и чудотворца Алексия,/ яко бо светило пресветлое,/ воссия нам благодатными лучами,/ потребляя тьму недуг и страстей/ от поющих прилежно,/ спасай нас молитвами твоими// праведне Алексие отче наш.

**Величаем тя, / святой праведный отче наш Алексие, /
и чтим святую память твою / ты бо молиши о нас / Христа Бога нашего.**